

обещались все до единого человека противу неприятелей в поле служить, когда он старшему своему сыну Ивану главную каманду над ними предъпрочит. Сие абещание произвело в нем падозрение (ибо тираны всегда падозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца), || будто бы л. 28 об. подъянные его самого неспособным признавают и уже при жизни ево пренебрегают, и более на сына ево надежду полагают, как на него. И для того тем же часом жалобу произвел, что он чрез то весма агорчен и обижен и, вышед к ним без всякаго правожания или служителей, бросил карону и порфиру и сказал народу, чтоб оное отнесли другому, кого ани лутче его почитают. Патом праславлять начал великое свое о государстве попечение, что он^в Лифляндию в свое владение получил, турок и татар победил (что и действительно с великою славою им в действо произведено) и так достоинство и славу поколения и народа своего храбро защищал, но видя, что он и храбрые ево поступки ныне ни ва что ставятца, то вознамерился он правительство уступить другому, каго ани к тому достойнее изберут. Депутаты к нему отправленные чрез то пришли в жалость и просили ево, чтоб гнев свой абратил в милость и правительство по прежнему л. 29 || на себя принял. Однако он на прошение их прежде склонятся не хотел, пока они не абещали главных бунтовщиков (так называл он их) ему предъставить. Патом абратился он к сыну своему с следующими славами: «А ты, прахлятой, асмеливайсся еще, имев такие происки и дерские предъприятти, отцу своему в глаза показатца! Ты возбудил народ к мятежу, в тебе ни малейшего сыновнего почтения не имеитца, не нашел ты лутчего к войне способу, как сего, что вознамерился отца своего погубить, пристойно ли тебе отважитца воинской жезл принять и тем государя и радителя своего всего высочества и достоинства лишать? И какого ты, от такого с бунтовщиками тайно учиненнаго согласия, ажидал успеху? Без сумнения помышлял ты меня в крайнее нещастие привестъ! Изрядно, л. 29 об. когда ты не познал в отце твоём царя масковского! || То я напротиву того окажу, что царская жалость отцовской превозходит и над табою такой абразец учиню, дабы другие дети, глядя на то, научались родителей своих почитать, а не насмехатца над ними!».

Сын, услышав, что отец его такую ужасную казнь над ним предъприятъ вознамерился, пал ему в ноги и всеподданнейше просил, чтоб ему время дал апамятоватца, дабы о невинности своей основательное аправдание принести мог. Точию сей тиран в знак, чтоб он малчал, ударил ево изо всей силы акованною тростию в висок, котораго удара он прежде не почувствовал, пока от вылейшейся в великом множестве крови пред отцем своим на землю паки упал. В то время увидел себя безчеловечной сыно-убивец, что худо зделал, и сие нещастие привело ево в крайнее смущение. Гнев л. 30 ево абратился в жалость и, припадняв руки, || то на умирающего своего сына, то на небо взирал и весь двор многим рыданием наполнил. В то время, утешая он умирающего сына, вздыхал и оплакивал свою бещастную судьбину, сожалел а общем уроне, иногда приписывал вину небу и представлял себя так, как отчаявшиеся люди обыкновенно бывают. Между смертелною болезнью услышал раненой вранье отца своего и старался, хотя весма тихим голосом, но следующее слово выговорить: «Хотя меня лишает жизни тот, от которого я оную имел, но бог истинной мой свидетель, что я никогда противу отца моего тайного согласия предъприятъ не помышлял, а наналутче бы желал, чтоб он всем светом владел, и чтоб оружие с лутчим успехом над врагами и над племенем их действовало!». Наконец, просил он, чтоб его погребли без всякаго великолепия, токмо

^в В ркп. он вписано над строкой.